

0482

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Мэги Кокс

МУЖЧИНА, КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Пыдай себе мерты

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Мэгги Кокс

Мужчина, которого нельзя забыть

«Центрполиграф»

2014

Кокс М.

Мужчина, которого нельзя забыть / М. Кокс —
«Центрполиграф», 2014 — (Любовный роман – Harlequin)

Первая любовь у каждого своя. Кто-то вспоминает о ней с улыбкой, кто-то с печалью и досадой. Юная библиотекарьша Лара Брэдли несет свою первую любовь сквозь годы. Она была еще школьницей, когда брат привел в дом друга – Габриеля. Симпатичный парень сразу занял все ее мысли... на целых тринадцать лет.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мэгги Кокс

Мужчина, которого нельзя забыть

The Man She Can't Forget

© 2014 by Maggie Cox

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2015

Глава 1

Нужно было дважды подумать, прежде чем соглашаться. Шон, брат Лары, любил повторять: «Всегда будь готов к неожиданностям». Увы, она не вняла его совету и согласилась пожить в доме родителей, пока те набираются сил на французском курорте.

К сожалению, Шона уже не было рядом, чтобы напомнить ей эти мудрые слова. Но если честно, разве она могла бы отказать матери и отцу? Конечно, они хотели прийти в себя и сменить обстановку после ужасной трагедии. Полгода назад брат Лары, их любимый сын Шон, погиб. Он отправился волонтером в обожаемую им Африку и заразился малярией. Сложно поверить, что в двадцать первом веке можно так умереть. Но, увы, это горькая правда.

Лара уже неделю жила одна в родительском доме. Каждую минуту она ждала, что он войдет в дверь и скажет свое коронное: «Сестра, поставь чайник, будем чаевничать!» Но Шона не было.

Время играло с ней злую шутку – то тянулось так долго, что казалось, кто-то остановил стрелки на часах; а то летело безудержной стрелой, так что Лара не успевала опомниться. При всей любви к своей работе, сейчас она радовалась, что семестр закончился. Последний месяц ей стало казаться, словно все дела и обязанности библиотеки свалились на нее. Но теперь, когда на смену рабочему безумию пришло затишье, ей оставалось только уйти в себя и переживать постигшее семью горе. Чтобы занять себя хоть чем-то, она часами прогуливалась с преданным бордер-терьером Барни. Оставаться подолгу одна в родительском доме она не могла.

Лара сидела за дубовым кухонным столом, глядя в тарелку с недоеденной овсяной кашей, когда в дверь позвонили. Почему-то привычный звук звонка в этот раз заставил ее вздрогнуть. Барни побежал к двери и принялся усиленно лаять. Лара занервничала еще сильнее. Было всего восемь тридцать утра. Кого привело в такую рань в их дом?

– Наверно, почтальон, – предположила Лара.

Стараясь успокоиться, она босиком подошла по коридору к двери. Барни заливался звонким лаем. День обещал быть необычайно жарким. Солнце освещало интерьер через панели из викторианского стекла. Лара поднесла к глазам ладонь, чтобы не ослепнуть, и вздрогнула: сквозь дверное стекло был четко виден силуэт высокого человека. У нее не было ни малейшего представления, кто это мог быть, но это явно был не почтальон. Лара почувствовала удар изнутри. «Господи, только бы не дурные вести», – пронеслось в голове.

Она слегка приоткрыла дверь:

– Доброе утро.

На пороге действительно стоял мужчина. Первое, на что она обратила внимание, – это его невероятно-голубые глаза. Мужчина был гладко выбрит, а его лицо легко могло украсить обложку глянцевого журнала. Строгий костюм в полоску скрывал явно атлетическую фигуру. Уловив аромат дорогого парфюма, Лара едва не принялась щипать себя. Учитывая столь ранний час, она, вероятно, просто видит сон.

– Добрый день, – сказал незнакомец. – Я хотел бы поговорить с мистером или миссис Брэдли. Я прихожусь им... Точнее, приходился им другом. Простите, что беспокою вас в такой ранний час, но я только что вернулся из Нью-Йорка и хотел принести вашей семье соболезнования.

Лара чувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Очевидно, Габриель Девениш, университетский друг Шона, не узнал ее. Человек, воспоминания о котором мучили ее долгие годы. После университета Шон решил заняться благотворительностью, а Габриель пошел по стопам своего богатого дяди, стремительно ворвавшись в мир экономики и финансов.

Брат рассказывал, что, перебравшись в Нью-Йорк, Габриель молниеносно разбогател. Но в голосе брата слышалась жалость к нему. Как бы то ни было, Лара помнила тот жаркий

летний день тринадцать лет назад, когда она впервые увидела Габриеля. Его красота сразила ее наповал.

Она во всех подробностях помнила и другой день, когда Шон неожиданно собрал у себя друзей, пока родители были в отъезде. Чтобы набраться смелости, Лара слегка перебрала вина и с легкостью пригласила Габриеля на медленный танец. А поймав на себе взгляд его больших, выразительных глаз, посчитала, что он испытывает к ней те же чувства. В следующее мгновение она призналась, что влюблена в него до беспамятства. Все бы ничего, но она не ограничилась и этим и потянулась к нему губами.

Она была готова провалиться на месте. Ее поведение, казалось, повергло молодого человека в шок. Отведя Лару в сторону, он сказал, что просто согласился с ней потанцевать и не намерен крутить роман с «сестричкой Шона». Она до сих пор помнила каждое произнесенное им слово. Он сказал: «Думаю, многие мальчишки твоего возраста мечтают с тобой встречаться. А я для тебя уже староват. Признаться, у меня есть виды вон на ту высокую стройную блондинку в углу. Мы учимся на одном курсе. И мне уже доложили, что она тоже не против».

Лара была опустошена. Своим отказом Габриель не просто огорчил, он унизил ее. Дни и ночи напролет она только и думала о том, как это могло произойти. Действительно ли оттого, что она младше его? Потому ли, что она сестра Шона? Но ведь если тебе кто-то нравится, не все ли равно, сколько ему лет и чей он родственник? Значит, причина все-таки в стройной блондинке.

С того дня отношения Лары с мужчинами не сильно продвинулись вперед. Как правило, все ограничивалось не более чем дружбой. Удивительно, но, несмотря на столь болезненный отказ Габриеля, Лара продолжала испытывать романтические чувства к другу своего брата. За эти годы он стал кем-то вроде сказочного героя из волшебной страны – очаровательного принца, с которым вряд ли сравнится кто-то из ее друзей и знакомых.

Поэтому сейчас, видя его на пороге своего дома, она едва могла подобрать слова:

– Вы Габриель, не так ли? Габриель Девениш? Вы дружили с моим братом в университете.

К сожалению, родителей нет дома. Они уехали в отпуск на юг Франции.

Успокоившийся было Барни снова залился пронзительным лаем.

– Барни, свои! – успокоила собаку Лара.

– Ты Лара? Младшая сестренка Шона? – спросил Габриель, гипнотизируя ее глазами цвета неба.

С выпрыгивающим из груди сердцем она просто ответила:

– Она самая.

Погладив Барни, она снова встала во весь свой невысокий рост: приятные изгибы женского тела подчеркивались синими джинсами и узкой белой футболкой. Она совсем не походила на ту шестнадцатилетнюю школьницу. Неудивительно, что Габриель не узнал ее. Лара видела, что он искренне удивлен. Ей даже показалось, что на его щеках заиграл румянец.

– А ты повзрослела, – сказал он, поправляя темно-русые волосы.

Она не могла не заметить двойной шрам, пересекающий правую бровь Габриеля. Возможно, его жизнь протекала не так спокойно и плавно, как она могла подумать. Сколько бы ни было у человека денег, они не всегда могут спасти его от превратностей судьбы.

– Я только вчера услышал про Шона, – продолжил Габриель. – Прочитал в газете о волонтерах, умерших от малярии. В списках было и его имя. Там было написано, что он недавно получил престижную награду за свою работу. Новость о его смерти повергла меня в шок. Жаль, что после университета мы перестали общаться.

– Просто ваши пути разошлись, – пожала плечами Лара. Нет, она не осуждала его. Но ей было непонятно, с какой целью он ушел в профессию, где люди больше берут, чем отдают. Выбор Шона был прямо противоположным. – И все же спасибо, что зашел. Маме и папе будет приятно, когда я скажу им. Думаю, ты помнишь, как хорошо они к тебе относятся.

Лара хотела, чтобы он ушел, и не знала, как намекнуть ему на это. Еще немного, и она не сможет скрывать своей искренней радости оттого, что снова видит его. От шестнадцатилетней старшеклассницы, не способной скрывать свои чувства, не осталось и следа. Однако Габриель словно и не собирался уходить. Он тяжело вздохнул:

– Не хочу быть навязчивым, но не могла бы ты налить мне чаю? Даю слово, что не задержусь надолго.

У Лары не было убедительной отговорки для отказа.

– Конечно, проходи, – пригласила она. – Я как раз и сама собиралась выпить чашечку.

Габриель вошел за ней в дом. Он очень хорошо помнил этот коридор и кухню. Идя за миловидной брюнеткой, он размышлял о том, как скромная, заурядная школьница могла превратиться в такую красотку? Был бы он художником, обязательно запечатлел бы на холсте эту точеную женственную фигуру. Но, увы, времени на искусство у него не было. Единственное, что роднило Габриеля с миром творчества, – это вид на Музей искусств из его нью-йоркской квартиры. Время от времени он заходил туда с целью напомнить себе, что деньги не главное в жизни. Да, чем больше у тебя денег, тем больше возможностей. Но счастье за них не купишь. Видит бог, он знал это как никто другой.

На кухне было так же уютно, как раньше. При виде старинного шкафа с тумбочками на него нахлынули воспоминания о том времени, когда они с Шоном были совсем молодыми. Он помнил, как вкусно кормила их Пегги Брэдли. Помнил то бесконечное лето, когда они готовились к экзаменам, смеялись, слушали музыку любимых групп и временами подшучивали над Ларой. Это была веселая и беззаботная юность. В те дни казалось, что так будет всегда...

Фотография Шона на стене приковала его внимание. Вероятно, так он выглядел незадолго до смерти. Добродушные карие глаза и широкая улыбка. Все как когда-то. Только теперь его университетский друг был где-то далеко. И желание позвонить ему навсегда стало несбыточным.

– Здесь все как раньше, – заметил Габриель, расстегивая пуговицу на воротнике. Рубашка внезапно начала сдавливать шею.

– Родители так же старомодны, как эта кухня, – улыбнулась Лара. – Они не большие любители перемен. Особенно после смерти Шона...

– Представляю, как вам тяжело.

– Очень. К этому невозможно привыкнуть. Сегодня ты еще разговариваешь с ним по телефону, а завтра... – Лара покачала головой. Она набрала в чайник воды из-под крана и вставила вилку в розетку. – Какой чай ты пьешь?

– А ты не помнишь? – поддел ее Габриель. Он-то не забыл, сколько чая выпили они с Шоном в те дни. И как правило, наливала его именно Лара. – Я всегда говорил, что самый вкусный чай в мире делаешь ты и твоя мама.

– Неужели? – снова улыбнулась Лара. – Тогда не отвечай, я постараюсь вспомнить.

Габриель присел на стул. Эта кухня, эти комнаты и сад были единственным местом, где он по-настоящему чувствовал себя как дома. Даже вращаясь в мире больших денег, он не перестал ценить домашнее тепло и уют. И ему так не хватало общения с простыми, искренними людьми – с теми, кто дружит с тобой не для того, чтобы ты сделал его богаче.

Он подумал о родителях Лары. Как рады они были ему, когда он приходил в гости к Шону. А отец Шона и Лары неоднократно выражал сожаление, что Габриеля воспитывает няня. Богатый дядя не уделял мальчику хоть сколько-нибудь внимания, и это заметно огорчало родителей Шона и Лары. Им было грустно оттого, что мальчик так и не познает радостей воспитания в настоящей семье.

– Будешь тост с вареньем? – спросила Лара.

– Прости... что ты сказала? – Габриель неожиданно поймал на себе взгляд ее больших карих глаз. Она стояла прямо перед ним, и на какое-то мгновение Габриель искренне забыл, где он находится, так обворожительна была она в эту минуту.

Лара смотрела на него с удивлением. Похоже, она не поняла, почему он не расслышал вопрос. «Неужто она не знает, насколько хороша собой?» – пронеслось в голове Габриеля. Он пожал плечами. Такое вряд ли возможно. Он еще не встречал столь обольстительных девушек, которые не знали бы о своей красоте. В кругу его общения красота была самым желанным атрибутом любой женщины. И те, у кого она была, использовали ее по максимуму.

– Я спросила, будешь ли ты тост с вареньем.

– Спасибо, я просто попью чай. А затем, если у тебя есть минутка, я хотел бы поговорить. Мне ужасно интересно, как сложилась твоя жизнь.

– Конечно, – неуверенно согласилась Лара. – Но ты же сказал, что только что прилетел из Нью-Йорка. Неужели тебе не хочется отдохнуть после перелета?

Габриель не смог сдержать улыбки. Похоже, Лара унаследовала от своей матери умение чувствовать, что нужно другим людям. Опять же, в кругу его общения это качество отсутствовало в принципе.

– Уверю тебя, сейчас мне не нужно ничего, кроме общения с тобой, Лара.

Она не помнила, когда последний раз ей говорили подобное. Добавить к этому бархатный голос Габриеля, и слова становились еще более соблазнительными. Лара чувствовала, как разгорается внутри ее яростный эротический огонь. Что, если тот отказ на вечеринке был не таким уж искренним? Что, если все эти годы он сожалел о том, что отказал ей?

Лара ощутила себя канатоходцем, что вот-вот потеряет равновесие. С момента их последней встречи прошло тринадцать долгих лет. Не исключено, что проявляемый им интерес – это всего лишь привязанность к семье его погибшего друга. В конце концов, он мог позволить себе роман с любой нью-йоркской фотомodelью, позирующей для гляцевых журналов.

– Хорошо, – сказала она. – Только не жди от меня каких-то головокружительных историй. Я веду самую обычную жизнь, даже отдаленно не напоминающую твою.

Озарив его скромной улыбкой, она отошла к гранитной столешнице и принялась ставить на поднос фарфоровые чашки и блюда. Он видел, как тряслись ее руки, когда она заваривала кипятком чайные листья. Но не знал, что в эту минуту сердце едва не выпрыгивало у нее из груди.

– Ты сделала именно так, как я люблю, – признался ее утренний посетитель. – У тебя прекрасная память.

– Спасибо.

Пытаясь не терять самообладание, Лара присела за стол напротив него и принялась помешивать чай. Она всегда клала в любимый напиток хотя бы один кусочек сахара. «В его рацион сахар точно не входит», – подумала она. Несмотря на морщинки, заметные на его лице, за все эти годы он нисколько не потерял физическую форму. Редко какому воротиле с Уолл-стрит это удается.

– Как долго ты планируешь пробыть здесь? – спросила Лара.

Она видела, что при этом простом вопросе с его лица исчезла улыбка. Гипнотизирующие голубые глаза посмотрели в сторону, губы крепко сжались. Слегка наклонившись вперед, он поставил чашку на стол.

– Еще не знаю. Сказать по правде, я прилетел уладить кое-какие вопросы с недвижимостью дяди. Две недели назад он умер, а я его единственный наследник.

– Габриель, прими мои соболезнования, – расстроилась Лара. Как всегда, она задала не самый подходящий вопрос.

– Завтра у меня встреча с его поверенным.

Было видно, что эта тема ему неприятна. С другой стороны, это очевидно – человек потерял своего единственного родственника. Даже если тот завещал ему все свое имущество. В конце концов, Габриель сам давно имел огромное состояние и явно предпочел бы, чтобы дядя был жив.

– Вы часто общались с дядей после твоего отъезда в Нью-Йорк? – аккуратно спросила Лара.

– Нет, не часто. – Габриель едва дослушал вопрос. – Мы не были близки. Дядя приютил меня, когда моя мать – его сестра – решила, что свобода ей дороже материнства.

– А твой отец?

Брови Габриеля нахмурились.

– О нем я знаю не больше чем ты. В моем свидетельстве о рождении мать указала, что отец ребенка неизвестен.

– Как грустно. – Слова сорвались у Лары еще прежде, чем она успела подумать.

– Почему же? Я вырос в благополучном районе, в огромном доме и никогда ни в чем не нуждался. Что же тут грустного?

– То, что ты не знал своего отца, – объяснила свои слова Лара. – И то, что вы с дядей так и не стали близкими людьми.

– Это не страшно, – сказал Габриель. – Среди тех, с кем мне приходится общаться, я считаю крайне успешным человеком. Все, что у меня есть, я заработал сам. Отсутствие родителей на мне никак не сказалось. Вот и все, конец истории.

Но Лара догадывалась – это далеко не конец. Она была уверена, что детей, брошенных родителями, не оставляет чувство глубокой обиды. Сколько бы лет им ни было и чего бы они ни добились в жизни. Ей хотелось узнать у него больше, но она понимала – сейчас не самый подходящий момент.

– Расскажи лучше о себе, – сменил тему Габриель. – Чем ты зарабатываешь на жизнь? Если я правильно помню, ты хотела стать ветеринаром или политиком. Помню твои размышления о том, как сделать мир лучше и добрее.

На щеках Лары появился багровый румянец, когда она вспомнила их долгие, жаркие дискуссии. При том, что она всегда была самой красноречивой из всех. Но в шестнадцать лет кажется, что ты все знаешь лучше всех. Ты можешь даже убедить себя в том, что старшеклассник влюбился в тебя, когда на самом деле он всего лишь согласился с тобой потанцевать.

– Я не стала ни ветеринаром, ни политиком, – призналась Лара. – Решив, что в одиночку мир лучше не сделать, я стала библиотекарем.

– Помню, ты всегда была страстной поклонницей литературы.

Лара не знала, что означает ухмылка на его лице, но она обратила внимание на слово «страстной». Неужели он и правда считал ее такой? От этой мысли сердце снова забилося учащенно.

– Обработывать каждый день запросы самых разных студентов – занятие, далекое от литературы, – пояснила она.

– Но тебе же нравится твоя работа? – спросил Габриель, поднимая темные брови. – В общем, я рад, что ты нашла свою стезю. Так и должно было случиться, учитывая, с какой страстью ты отдаешься делу.

Глава 2

Лара чувствовала, как все внутри ее горит от этих слов. Она ощущала на себе его пристальный взгляд, и ей становилось не по себе. Нужно было срочно направить разговор в нужное ей русло.

– А ты по-прежнему занимаешься финансами? – спросила она.

– Так точно, – улыбнулся Габриель.

– Что конкретно ты делаешь? Ну, у тебя же есть должность?

Вместо ответа, он встал со стула. Вероятно, эти вопросы выбивали его из колеи.

– Я главный директор по управлению рисками. То есть я провожу анализ риска и дохода для финансовых компаний и банков.

– Ух ты, – только и смогла произнести Лара. От его объяснения ей не стало понятнее, чем он занимается. – Звучит очень сложно.

– Разве? – спросил Габриель. Над его скулой еле заметно дрогнул мускул. – Тогда советую тебе просто не думать об этом.

– Хочешь сказать, что мне не дано это понять?

Габриель выдохнул:

– Сколько я тебя помню, ты всегда воспринимала мои реплики близко к сердцу.

Пока Лара обдумывала смысл его слов, Габриель подошел к ней, наклонился и взял ее руки в свои. Затем он потянул ее к себе, чтобы она встала. Нахлынувшие на нее чувства невозможно описать словами. Она не знала, что делать – впадать в панику или радоваться происходящему. Тысячу раз она представляла себе, как он трогает ее, обнимает, прижимает к себе. Даже душераздирающее воспоминание о его отказе не могло прервать полет ее фантазий.

Но как бы ни был ей приятен этот жест, в его голубых глазах она видела тревогу.

– Расскажи мне о Шоне, – тихо попросил он.

Она услышала, как нелегко ему было произнести имя погибшего друга.

Окончательно убедившись, что дело все-таки не в ней, Лара нервно сглотнула. Говорить о Шоне было тяжело – слишком свежа была рана утраты.

– Что ты хочешь знать?

Габриель держал ее за руки, и ей совсем не хотелось высвобождаться. Она ощущала идущее от него тепло, и ей становилось спокойно. Только такой мужчина, как он, мог предоставить ей столь чувственную, нежную защиту. Она заметила венку, пульсирующую у него на лбу.

– Как он заразился? – спросил Габриель почти шепотом. – Неужели волонтерам не делают прививки перед тем, как отправить в эти забытые богом места?

– Конечно, делают, – ответила Лара. Ее тронула интонация, с которой он говорил о Шоне. Было видно, что он до сих пор сильно привязан к ее любимому брату. – Ему сделали все необходимые уколы, он прошел все обследования. Как ты знаешь, разносчиками малярии являются зараженные москиты. Уже после смерти Шона в его москитной сетке обнаружили дырку. К сожалению, у благотворительных организаций часто не хватает денег на новую экипировку.

– Ему дали рваную москитную сетку? – переспросил Габриель с нотками раздражения в голосе. Он отпустил руки Лары и сделал несколько шагов в сторону.

Ее трогало трепетное отношение Габриеля к Шону, но вновь переживать все это было нелегко. Лара сложила руки на груди и грустно кивнула:

– Выходит, так.

Словно борясь с нахлынувшей яростью, он принялся ходить по кухне. Затем, снова подойдя к Ларе, неожиданно спросил:

– Но как можно было быть таким идиотом?

– Что?

Внезапная грубость его вопроса ошеломила Лару. С таким же успехом он мог просто дать ей пощечину.

– Почему Шон не подумал о последствиях? Не потому ли, что он всегда сначала думал о других, а о себе в последнюю очередь? Неудивительно, что он стал волонтером. Кто бы знал, чем все это закончится! – Его голубые глаза горели злостью. А через несколько секунд взгляд Габриеля словно опустел. – Шону легко давались математика и точные науки. Он мог бы стать инвестором или финансовым аналитиком высшего ранга. Он мог заработать столько денег, сколько бы захотел. Но нет. Вместо этого он стал волонтером. В мире, где люди грызут друг другу глотки за любую мелочь, он предпочел заботиться о других. Прости меня, но в наше время это верный путь в бездну. – Он обхватил голову руками, взъерошивая волосы. – Видит бог, сколько раз я говорил ему об этом. Но Шон был слишком уверен в правильности выбранного пути.

Лара набрала в грудь побольше воздуха и выдохнула. Сердцебиение понемногу успокаивалось, возвращаясь в привычный ритм. Назвав Шона идиотом, он не хотел оскорбить память о нем. Он просто не мог смириться с этой бессмысленной, жестокой утратой. Как и все они.

– Мой брат был добрым человеком, и ты это знаешь, – сказала она. – Он был счастлив, что мог помогать тем, кому повезло меньше. Думать о себе было ему не свойственно. Он любил жизнь и хотел, чтобы все люди наслаждались жизнью. Думаю, если бы Шон был сейчас здесь, он бы спросил, счастлив ли ты в своей жизни.

Молчание повисло на кухне, словно дамоклов меч. Габриель словно впал в состояние транса. Какое-то время он смотрел на нее, не говоря ни слова. А затем, словно оттаяв, пожал плечами:

– Я думаю, понятие счастья не совсем уместно в современном мире. Куда важнее быть успешным, чем счастливым. Наслаждаться жизнью можно, когда есть успех.

Габриель подошел к столу, поднес к губам чашку и сделал большой глоток. Затем он улыбнулся, но Лара по-прежнему видела печаль в его глазах.

– Прости, если я в сердцах наговорил лишнего, – сказал он. – Но Шон был мне другом. Возможно, лучшим другом за всю мою жизнь. Жаль, что я слишком поздно это понял. Иначе я бы не потерял его из виду. И ничего этого бы не случилось. Это слишком несправедливо, что он ушел от нас так рано. Прошу тебя, передай мои соболезнования родителям. А мне, наверно, пора уходить.

Лара почувствовала удар изнутри от одной мысли, что он может уйти и они, возможно, больше не встретятся. И вновь, не успев подумать над своими словами, она выпалила:

– Так быстро? А я хотела предложить пообедать вместе. Если хочешь, мы можем вместе прогулять Барни. Прогулка – отличное лекарство от гнетущих мыслей. Помнишь лес за домом? Можем пойти туда.

Габриель отчетливо осознал, что не может так просто уйти от этой девушки. Но он знал – сделать нужно именно это, и как можно скорее. Потому что если он останется, то только сильнее ранит ее. И чем тогда закончится их многолетнее знакомство? Тем, что он воспользуется несчастной Ларой и исчезнет, лишь усилив ее боль и страдания? Так, как он привык обходиться с юными моделями, видящими в нем пропуск в мир роскоши и богатства.

Но с другой стороны, что плохого в том, что он найдет успокоение в приятной компании молодой девушки? Габриель знал – в душе он уже принял решение.

– Тогда я останусь, – сказал он. – Погуляем с Барни, пообедаем, и я уеду.

– Замечательно, – обрадовалась Лара. – Должна признаться, я не просто так предложила тебе остаться подольше.

Она улыбнулась, и Габриель впервые заметил столь сексуальные ямочки на ее щеках. Но эти слова смутили его.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно спросил он.

Худые плечи Лары поднялись и опустились снова.

– Просто мне грустно здесь одной. Все вокруг напоминает о брате. А в твоей компании я смогу хоть как-то развеяться.

От такого ответа Габриель почувствовал облегчение.

– Тогда предлагаю отправиться на прогулку. Солнце светит, погода чудесная. Жалко терять такой день, сидя дома.

– Я согласна, – сказала Лара. Она поправила черные волосы и направилась к двери. – Одну минуту, я надену походные ботинки. Земля в лесу жесткая и не всегда ровная. – Взгляд Лары упал на его черные итальянские ботинки.

– Я бы взял сменную обувь, если бы знал, что мы пойдем в лес, – произнес Габриель, словно читая ее мысли.

– Боюсь, придется идти в них. Твоего размера у меня нет.

С этими словами Лара вышла из кухни. А Габриель поймал себя на мысли, что ему уже ее не хватает.

* * *

Габриель словно попал в другой мир – столь отличный от того, в котором он жил. Сейчас он понимал, насколько ему не хватало всего этого. Габриель получал искреннее удовольствие, прогуливаясь по лесу с очаровательной девушкой, известной ему когда-то как «сестренка Шона». Аромат ее духов напоминал запах полевых цветов. Она и сама была как несорванный полевой цветок. Габриель ощущал себя в другой вселенной, находящейся в тысячах световых лет от Уолл-стрит и всей его привычной суеты.

– Здесь я отпускаю Барни с поводка, – сказала Лара. – Это его любимое место в лесу. Он обожает здесь бегать. – Одарив Габриеля лучезарной улыбкой, Лара расстегнула поводок. Счастливый терьер моментально скрылся из вида в лесной чаще. – Он прирожденный охотник.

Габриель улыбнулся ей в ответ. Словно повинаясь инстинкту, он сократил расстояние между ними и едва не взял ее за руку. Как будто электрический ток пронизал его тело от воспоминания, как он на кухне держал ее за руки. По взгляду, что бросила на него Лара, он понял – она испытывает те же чувства.

– Я и забыл, какая ты забавная, – сказал он. – И что у тебя самые красивые глаза. Когда ты смеешься, они блестят, как бриллианты.

Комплименты не были его коньком, но эти слова он произнес машинально.

– Спасибо.

Габриель осторожно взял ее руку в свою. Румянец, проступивший на щеках Лары, подтвердил его догадку – она действительно чувствовала то же самое.

– Ты покраснела, – сказал он.

– Это потому, что я не привыкла к таким комплиментам.

– Неужели твой молодой человек не осыпает тебя комплиментами?

Без зазрения совести он задавал провокационные вопросы, чтобы узнать о ее личной жизни. Но при этих словах Лара изменилась в лице. Свет в ее глазах заметно погас.

– У меня нет молодого человека, – грустно ответила она. – По крайней мере, сейчас.

Габриель не мог отрицать, что ему было приятно это слышать. Но что могло означать это «сейчас»?

– Имеешь в виду, в ближайшее время кто-то может появиться?

– Нет, – коротко сказала Лара. Всем своим видом она показывала, насколько неприятно ей отвечать на такие вопросы. – Расскажи лучше о себе. В твоей жизни есть та единственная? Или, может, ты даже женат?

– Нет, я не женат. И той единственной у меня тоже нет. Лара, я женат на своей работе. Понимаю, это звучит глупо и занудно, но это правда. Но это не значит, что я не люблю находиться в обществе прекрасных дам.

– Прекрасных дам? – повторила она. – Тогда понятно, почему ты еще не женат.

Лара вздохнула. Но был ли это вздох облегчения или разочарования, он не знал. Всматриваясь в чащу леса, куда убежал ее энергичный питомец, Лара сложила ладони рупором возле рта и позвала:

– Барни! Ко мне!

Пес не появился, и Лара вновь посмотрела на Габриеля.

– Я беспокоюсь, когда не слышу его. Он может застрять в кроличьей норе, и тогда его придется вытаскивать. Подожди меня здесь, я посмотрю, где он. Тем более что там, за деревьями, еще больше грязи. А ты уже и так запачкал свои ботинки. Надеюсь, я скоро.

– Я пойду с тобой, – настойчиво произнес Габриель. – Испачкаться я не боюсь.

Они пробирались через кусты и заросли. То, что на нем ботинки за тысячу долларов, а ветки оставляют полосы на его безупречно белой рубашке, заставило его улыбнуться. Видели бы его коллеги с Уолл-стрит, вот это была бы потеха!

При этой мысли его улыбка стала еще шире. По своей природе Габриель был вполне веселым, неунывающим молодым человеком. По крайней мере сейчас у него не было повода грустить. Впереди него шла обворожительная длинноногая красотка в обтягивающих джинсах.

Лара шла по неровной, грязной тропинке с уверенностью опытного следопыта. Время от времени она переводила дыхание и кричала: «Барни! Барни!» И каждый раз ответом ей была тишина. Габриель знал, что сам он находится в прекрасной физической форме, но энергии Лары можно было только позавидовать.

Вдруг остановившись, Лара вновь позвала собаку:

– Барни! Это уже не смешно! Немедленно возвращайся!

Услышав нотки отчаяния в ее голосе, Габриель решил подключиться к поискам более плотно.

– Барни! – выкрикнул он, пробираясь сквозь густые заросли. В его ботинках уже невозможно было узнать обувь известной итальянской марки. Пройдя еще несколько метров, он увидел торчащий из-под земли хвост. Пес так стремительно копал лапами яму, словно отыскал клад. – Нашел! – крикнул он Ларе.

В следующую секунду она уже бежала к нему. Ее белая футболка тоже была запачкана грязью. Из длинных темных волос торчали кусочки веток и листва.

– Слава богу! – воскликнула она, пробегая мимо Габриеля к своему любимому питомцу. Казалось, она совершенно не заботится ни о своей одежде, ни о себе самой. Подбежав к собаке, она рухнула на колени. – Барни, ты ведешь себя очень плохо, – ругалась она, вытаскивая пса из ямы и прижимая к груди. Белая футболка почернела в считанные секунды.

Габриель поймал себя на мысли, что он завидует этому псу. Он бы точно не отказался так же прижаться к ее красивой, полной груди.

Лара взяла провинившегося пса на поводок.

– Не знаю, как ты, – сказала она, – но у меня разыгрался аппетит. Предлагаю вернуться, я приготовлю что-нибудь на обед.

Слово «аппетит» идеально подходило к тому, что испытывал сейчас Габриель. Чувство голода становилось непреодолимым. Это был голод, который нельзя утолить едой. Сестра его друга всерьез пробудила его либидо. Летя из Нью-Йорка в Англию, он меньше всего ожидал такого поворота событий. И как с этим быть, он попросту не знал. Переспать с этой очаровательной брюнеткой и навсегда положить конец отношениям с их семьей – этот вариант его не устраивал.

– Когда придем домой, сразу сними рубашку, – обмолвилась Лара, проносясь мимо Габриеля вслед за псом.

– Что?

Пес остановился, учуяв что-то в листве, и Лара повернулась к Габриелю с сияющей улыбкой:

– Не волнуйся, я ничего не имела в виду. Твоя рубашка испачкалась, я хотела закинуть ее в стиральную машинку. Взамен могу предложить что-нибудь из гардероба отца. Но опять же, подойдет ли тебе размер? Не говоря уже про качество.

– Подойдет, – заверил ее Габриель.

Барни вновь потянул поводок, и его миловидная спутница побежала за ним.

* * *

Лара честно не знала, где найти мужество для общения с ее харизматичным, невероятно привлекательным гостем. Он свалился на нее как снег на голову, моментально завладев всеми ее мыслями. И чем больше проходило времени, тем тяжелее становилось Ларе совладать с собой. В его бездонных голубых глазах ей виделось столько неизведанного, что дух захватывало. Когда в лесу он взял ее за руку, в этих глазах явно читалась заинтересованность. Было видно – ему приятно быть с ней. И тем не менее она едва не упала в обморок от неожиданности и испуга.

Вернувшись из леса, они остановились на крыльце. Барни послушно ждал, пока хозяйка и ее приятель снимут запачканную обувь. Увидев, в каком состоянии его ботинки, Лара едва не застонала. Из-за нее Габриель лишился туфель, стоивших целое состояние. Она тяжело вздохнула.

– Забудь про ботинки, – успокоил он. – У меня в машине есть еще одна пара.

– Почему же ты не сказал мне об этом? – изумилась Лара.

Какое-то время он молчал, словно подбирая нужный ответ.

– Потому что это не так важно. А теперь я готов обменять свою запачканную рубашку на новую, как мы и договаривались.

С этими словами он принялся расстегивать пуговицы. Лара была готова запаниковать, представив, что сейчас он будет стоять перед ней по пояс голый.

– Уже бегу, – только и смогла сказать она, поспешно открывая дверь.

Она не знала, как вести себя. Одно его присутствие само по себе направляло все ее мысли в ненужное русло. А теперь ей придется лицезреть его еще и с голым торсом. Где взять столько самообладания, чтобы оставаться при этом спокойной и не выказывать переполняющего ее возбуждения?

Глава 3

Габриель привык держать ситуацию под своим строгим контролем. Однако сейчас, находясь в доме своего друга с Ларой, он ощущал себя словно в открытом море. Как и много лет назад, ему было приятно здесь находиться. Жители этого дома всегда относились к нему без предубеждений, ничего не ожидая взамен. Видит бог, вращаясь среди воротил бизнеса, он успел забыть, что такое бывает.

Иногда ему начинало казаться, что и сам он со временем превращается в такую же меркантильную, циничную машину по добыванию денег. От таких мыслей становилось страшно. Но что ни говори, деньги для него являлись чем-то вроде наркотика. Поэтому самому Габриелю было странно, что перспектива получить наследство дяди не вызывала в нем особых эмоций.

Теперь же к вопросу о дядине наследстве добавлялась дилемма, которая волновала его куда больше. И имя ей – Лара. Оттого, что она была здесь, рядом, в этом полном воспоминаний доме, на душе становилось легче. И это чувство было несвойственно Габриелю – обычно в присутствии женщин он был предельно напряжен. Исключение составляла разве что Пегги Брэдли, мама Лары.

Присев в уютное кресло в гостиной, Габриель посмотрел за окно. Солнечный свет слепил глаза и неумолимо нагонял сон. Вот зазвучала знакомая песенка – та самая, которую в тот вечер раз за разом включал Шон. Вот Лара в коротком зеленом платье танцует что есть сил, разводя в стороны руки, словно желая обнять весь мир. Как красива она сейчас! Как молода и свободна...

– Габриель, ты заснул? – раздался голос Лары. – Обед готов. Предлагаю пообедать в саду.

Услышав бархатный голос той, о ком он только что грезил, Габриель едва смог отделить сон от яви. Невинная юная девушка из прошлого превратилась в леди, от которой у него сводило дыхание и кровь закипала в венах. Без грамма косметики на лице она выглядела лучше любой известной ему фотомодели. Ее кожа так свежа и чиста, как лепестки белой розы. А эти пухлые губы способны свести с ума даже самого искушенного сердцееда. Он бы многое отдал, чтобы узнать, какие они на вкус.

Приподнимаясь с кресла, он признался, что видел ее во сне:

– Мне снился тот вечер у вас дома. Тебе тогда было шестнадцать. Помню, как самозабвенно ты танцевала под песни Джими Хендрикса. Ты была так красива и легка.

При этих словах Лара нахмурилась. Воспоминания о том вечере определенно были ей не так приятны, как ему.

– Шестнадцать лет – ужасный возраст, – сказала она. – Я была такой самоуверенной. Мне казалось, я все знаю лучше всех. И, уверенная в своей правоте, я несла полнейшую чепуху. Мне часто бывает стыдно за свое поведение. Особенно в тот вечер.

– Я ничего подобного не заметил, – успокоил ее Габриель. – Советую тебе просто забыть об этом. Столько времени прошло, ты давно стала другой. К тому же, если мне не изменяет память, в тот вечер было выпито немало вина. И в конце концов, если не нести чушь в шестнадцать, то когда же? – Он вздохнул. – Признаться, в тот вечер я тебе завидовал.

– Ты? Почему? – удивилась Лара.

– Потому что ты была такой беззаботной. Ты буквально источала свободу, которой мне так не хватало. Свободу, которую не купишь за деньги.

Габриель и сам не верил, что произнес это вслух. Еще ни разу в жизни он не был так честен ни с одной живой душой. С детства он слышал о том, что мальчишки не должны проявлять своих чувств. Дать волю эмоциям – значит признать свою слабость.

Лара предпочла оставить его слова без комментариев.

– Обед готов, – напомнила она. – Можешь присесть за столик в саду, а я принесу тарелки.

* * *

Слова Габриеля про ту вечеринку не выходили у нее из головы. Он говорил обо всем, кроме того, как отказал ей. Неужели ее попытка поцеловать его ничего для него не значила и он попросту забыл об этом? Как бы то ни было, его слова сильно польстили ей. То, что он говорил, звучало весьма соблазнительно. Однако терять бдительность Лара не спешила. Она не позволит глупой школьнице из прошлого нарушить привычное течение ее нынешней жизни.

Но слова Габриеля о том, какое впечатление произвел на него ее танец, не выходили из головы Лары. Что это за свобода, которую не купишь за деньги? Значит ли это, что при всех его возможностях он ощущает себя взаперти?

Ларе не терпелось расспросить его обо всем подробнее. Но ей следовало привыкнуть к мысли, что сейчас не лучшее время. Ей отчего-то стало казаться, что смерть лучшего друга не единственное, что тяготит его.

За обедом Габриель был немногословен. Лишь признал, что куриный салат определенно удался. Но его молчание несколько не тяготило Лару. Это был чудесный день – все напряжение между ними снималось солнечным теплом и звуками природы. Но, как бы то ни было, она не могла отрицать, что Габриель действует на нее гипнотически. Она так часто представляла его в своих фантазиях. Время от времени Лара даже тешила себя надеждой, что когда-нибудь он вернется в родные края и увидит, какой она стала. И конечно, беззаветно влюбится в нее.

Но, глядя на него сейчас, Лара понимала, насколько наивны были эти мечты. Габриель был человек другого круга, иного мира. Все, что она могла предложить ему, он и так мог получить по щелчку.

С этими мыслями Лара принесла ведро со льдом, в котором стояла запотевшая бутылка белого шардоне. Налив его в бокалы, она улыбнулась и произнесла короткий тост:

– За старых друзей.

Тень пробежала по лицу Габриеля. Широкие плечи напряглись. Он взял бокал и опустил глаза.

– За Шона, – коротко сказал он.

Лара едва сдержала порыв прикоснуться к нему. Она осторожно положила свою ладонь ему на руку. Но он просто смотрел вниз, словно под гипнозом. Затем поднял голову.

– Ты тоже слышала, что я богатый, успешный человек? – вдруг спросил Габриель.

Боль, которая отчетливо читалась в его глазах, заставила Лару затаить дыхание. Она не могла подобрать правильных слов, чтобы ответить:

– Я слышала, ты много работал и заслужил все то, что имеешь. Ты всего добился сам, без помощи семьи или друзей. Это говорит о твоей невероятной силе и целеустремленности.

– Неужели?

Внезапно Габриель схватил ее за руку – так сильно, словно она вдруг стала его заложницей. Он бросил на нее такой взгляд, что по телу Лары побежали мурашки.

– Нельзя быть такой наивной, Лара. Позволь мне рассказать, какой я на самом деле. Я не такой, как ты думаешь. Мне плевать на людей. Я умею только брать и ненавижу отдавать. Отдают такие, как ваша семья. В среде, в которой я вращаюсь, это качество считается недостатком. Жизнь научила меня быть жестким. Поверь, если тыпустишь меня в свою жизнь, я принесу тебе только боль и страдания.

На глаза Лары навернулись слезы. Знал ли Габриель, что эти слова ранят ее сильнее ножа? Единственным решением была защита.

– Думаешь, я все еще лелею мечту быть с тобой? Можешь не переживать. Это не так. – Она высвободила руки и сделала шаг в сторону. – Нью-Йорк изменил тебя, Габриель. И это изменение не в лучшую сторону. Ты умел быть хорошим, добрым другом. Выбранный тобой

путь не принес тебе радости, зато забрал все, что было. Могу признаться, это меня беспокоит. Но не думай, что я ищу себе спутника жизни. А если это и так, им явно будешь не ты.

– Ты уверена? – Габриель резко встал со стула.

В мгновение ока он оказался рядом и притянул ее к себе. Крепкие руки обхватили ее тонкую талию. У Лары не было ни секунды, чтобы осознать происходящее. Сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он взял ее за волосы и прижал ее лицо к своему.

Мир, окружающий Лару, словно перестал существовать. Габриель буквально впился в нее губами, и она лишь крепко закрыла глаза. Казалось, он был одержим голодом страсти и ярости одновременно.

Запах его кожи искушал ее. Это был запах дикого зверя, будоражащий не чувства, а инстинкты. И дорогой одеколон не имел к нему отношения. От натиска крепкого, сильного тела Лара чувствовала, как в венах закипает кровь. Она ощутила себя волчицей, безропотно следующей за одиноким волком в его лежбище.

Когда Габриель так же неожиданно выпустил ее из своих объятий, она не могла пошевелиться. Ноги были словно из ваты, колени дрожали.

Едва удерживая равновесие, она встала на газон, так ровно подстриженный отцом. Тонкими пальцами Лара коснулась своих губ. На них еще была влага этого неожиданного, стремительного поцелуя. Тот, кто подарил его ей, уже стоял поодаль, качая головой, словно в раскаянии. Через мгновение он посмотрел на нее холодным, леденящим душу взглядом.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – хрипло сказал Габриель. – Зато теперь ты знаешь, какой я на самом деле. Лучше узнать это сейчас, пока еще не поздно.

Лара вытерла ладонью глаза. Он говорит это в ту минуту, когда у нее появилась надежда. Ей начало было казаться, что мужчина, которого она так часто видела в снах, наконец-то ворвался в ее судьбу.

Но сейчас она не могла выпустить эти чувства наружу. Как ни была сильна химическая реакция между ними, Лара не могла позволить ему воспользоваться ей и через день обо всем забыть. Она не хотела пополнить ряды женщин, готовых распластаться перед ним по первому зову.

– Может, ты и не хотел меня обидеть, Габриель, но ты сделал именно это. Думаю, тебе лучше уйти и подумать об этом.

Он слегка прищурился:

– И ты захочешь увидеть меня снова? После того, что случилось?

– Я не исключаю этого, – ответила Лара. – Но не думай, что в следующий раз я тоже позволю целовать себя по первому твоему желанию. – Она вздохнула. – Думаю, что ты сделал это от отчаяния. Ты не отдавал себе отчет в своих действиях. Новости про дядю и Шона оставили глубокий след в твоей душе. В горе даже самые сильные люди теряют контроль над собой.

– По-твоему, я поцеловал тебя, потому что от горя потерял контроль? – переспросил Габриель.

Чувствуя, что ее лицо горит от смущения, Лара накрутила локон темных волос на палец.

– Да, я в этом уверена. Габриель развел руками:

– Что ж... Тогда ты определенно ничего не знаешь о мужчинах и их скрытых желаниях.

Это замечание смутило Лару не меньше чем поцелуй. Ей хотелось, чтобы земля развернулась и поглотила ее в тот же момент. Видимо, Габриель все еще относился к ней как к сестренке Шона. И самое главное – отчасти это было правдой. Родители, такие добрые, но такие далекие от реального мира, слишком трепетно оберегали ее от окружающей действительности. Да, во многих жизненных вопросах Лара действительно осталась все той же наивной школьницей.

И все же, наивная или нет, она отказывалась верить, что сейчас Габриель ведет себя естественно. Интуиция подсказывала, что эти грубость и цинизм – напускные.

– Возможно, я не искушена общением с мужчинами, Габриель, – призналась Лара, – и слишком много воды утекло с момента нашей последней встречи, но я давно не хожу в розовых очках. Я знаю, что происходит в мире, и знаю, какие желания терзают людей. В частности, мужчин. Но все же я не верю, что ты готов брать все, что хочешь, просто потому, что у тебя есть возможность. Ты окружил свои чувства стеной и не даешь им высвободиться. Но это всего лишь означает, что под натиском скрытых чувств рано или поздно эта стена падет.

Лара готова была поклясться, что от ее слов у него затряслись губы. Какое-то время Габриель просто стоял, молча глядя под ноги. Она искренне думала, что еще немного, и он так же молча уйдет – на этот раз навсегда.

Однако после долгой паузы он поднял голову и нарочито грубым голосом произнес:

– Знаешь, что двигало мной, когда я тебя целовал? Похоть. Если не веришь, посмотришься в зеркало. Маленькая девочка, которую я когда-то знал, превратилась в красивую, сексуальную женщину. Никто в мире не осудит меня, если я затащу тебя в постель.

– Если ты думаешь, что мне это льстит...

Не дав ей договорить, он резко направился в ее сторону. Лара не сделала ни шагу. Он мог как угодно разыгрывать роль бессердечного искусителя, но эта игра не поколеблет ее убеждений. Нет, Габриель не был таким, каким хотел казаться – избалованным пижоном с повадками плейбоя.

– Я не собирался тебе льстить, дорогая.

Подойдя к ней, он коснулся ладонью ее щеки. Жар и холод одновременно разлились по телу Лары. В чем его нельзя обвинить – так это в предсказуемости. Да, он непредсказуем, и непредсказуемость эта пугала.

Шон когда-то сказал, что девушки вьются возле Габриеля как пчелы не только потому, что он хорош собой. Главное, что он воплощает образ эдакого «плохого парня», от которого женский пол всегда сходил с ума. Теперь Лара понимала – и в этом брат был прав. Но до сегодняшнего дня она не думала, что Габриель может быть опасен. И все же он никогда не захочет сделать больно ни ей, ни кому бы то ни было – ее уверенность в этом была непоколебима.

Лара чувствовала тепло его дыхания. Оно разливалось по ней, как глоток самого крепкого бренди. Она чувствовала слабость и головокружение, удивляясь, как вообще еще стоит на ногах.

– Ради нас обоих, – вдруг произнес Габриель, – прошу, скорее пошли меня ко всем чертям, чтобы я больше никогда не ступил на порог твоего дома. – Его губы сжались в тонкую линию.

Как будто, выгнав его, она поставит точку во всей этой истории.

– Нет, Габриель, – вполголоса сказала Лара. – Я сделаю это, только если ты и впрямь решишь причинить мне боль. Называй это слабостью или глупостью, но я не выгоню тебя. Мы оба на эмоциях от понесенной утраты. Поэтому давай отложим все на потом и закончим обед. Тем более что на десерт есть свежие фрукты.

Ситуация явно была накалена, Лара спокойно убрала его руку от своей щеки и направилась к столу. Однако это спокойствие тоже было только игрой. Сердце в ее груди билось, как колокол. Сев за стол, она посмотрела на него. Габриель стоял на том же месте, испепеляя ее взглядом.

– Нет, Лара, я не останусь. Спасибо за обед, но с десертом я пас. – Габриель пожал плечами. – Несмотря ни на что, знай – я желаю тебе счастья. Честно. Уверен, ты разобьешь много мужских сердец. Если еще не разбила.

Едва он закончил говорить, из дверей в сад выскочил Барни. Пробудившись от сна после прогулки, он стремительно подбежал к Габриелю, принялся прыгать на него и вилять хвостом, словно тот был его лучшим другом.

Лара была готова расцеловать пса, потому что его появление действовало на Габриеля магически. Он нагнулся и принялся гладить Барни как ни в чем не бывало.

– По-моему, ты ему нравишься, – улыбнулась Лара. – Уж кто-кто, а Барни тебя просто так не отпустит.

– А ты? – спросил Габриель. – Ты отпустишь меня так просто?

Даже через газон, разделяющий их, она увидела бриллиантовый блеск в его глазах. Его взгляд как будто выжигал дыру в ее душе. Лара облизнула губы, внезапно ставшие сухими.

– Наверно, нет, – призналась она. – В отношении друзей я такая же, как Барни. Никого не отпущу, пока не надоем. К моменту твоего возвращения в Нью-Йорк тебя, вероятно, будет тошнить от одной мысли обо мне.

– Ты думаешь? – Габриель встал, подняв резвящегося пса на руки. Загадочная улыбка на его лице не давала Ларе сосредоточиться.

– Все-таки попробуй фрукты, – предложила она, стараясь говорить спокойным тоном.

– Искушение во плоти, вот ты кто, – томно протянул Габриель.

– Значит, из меня получился бы хороший менеджер по продажам.

Прижимая Барни к своей крепкой груди, Габриель улыбнулся:

– Дорогая, мне ты смогла бы продать самую бесполезную в мире безделушку. Я попросту не смог бы тебе отказать. Видишь, какую власть надо мной ты имеешь?

Он даже не догадывался, но то, что он называл «властью», на самом деле было куда более глубоким и трепетным чувством.

Глава 4

Обычно, прощаясь с женщинами, Габриель не давал им ни малейшей надежды на повторную встречу. Однако сейчас, глядя в карие глаза Лары, он понимал, что не сможет использовать привычную технику. Ему было не все равно, что Лара будет думать о нем после его ухода. И за это он злился на себя, на весь мир и на судьбу, что спутала ему все карты.

Осознав свое нежелание расставаться с Ларой, Габриель решил дать событиям развиваться самостоятельно. Так, после встречи с поверенным дяди он мог заехать за ней, показать ей дом, что перейдет ему по наследству. В любом случае будет лучше, если он приедет туда не один. Габриель не знал, как отреагирует, когда вновь вернется в этот дом. После поездки они могли бы вновь прогуляться с Барни, а вечером поужинать вместе.

Услышав согласие на свое предложение, Габриель попрощался с Ларой и отправился в гостиницу. Он не помнил, когда последний раз пребывал в столь приподнятом настроении. Как объяснить, что спустя столько лет между ними вспыхнула искра? Может, за этим кроется естественное желание человека «закончить начатое»? Габриель уже знал, что не вернется в Нью-Йорк, пока не найдет ответ на этот вопрос.

– Расскажи, как прошла встреча, – первым делом попросила Лара.

* * *

В просторном салоне машины, нанятой Габриелем в Англии, она чувствовала себя неуверенно. Лара сидела рядом с ним, благоухала новыми духами и была невероятно привлекательна – в коротком летнем платье розового цвета она выглядела куда очаровательнее, чем поп-певицы из телевизора. Наконец-то хоть что-то могло отвлечь его от гнетущих мыслей.

Утром Габриель узнал, что в завещании дяди имеется приписка. Казалось, каждый день поездки на родину ставит крест на всех его недавних планах. Неужели призраки прошлого никогда не оставят его? Тяжело вздохнув, он свернул на дорогу, ведущую за город. Габриель хорошо помнил этот маршрут – мальчишкой он так часто ездил туда. И так редко с удовольствием.

Габриель долго не мог подобрать слова для ответа. Но в какой-то момент, словно собравшись с мыслями, произнес:

– Все прошло так, как и должно было. Хоть и не так, как я хотел... – Он выдержал паузу. – Мы уже подъезжаем. Мне нужно проверить кое-что в доме. Если хочешь, можешь побродить со мной. Потом сделаем кофейную паузу. Надеюсь, служанка дяди нас встретит. Я предупредил ее, что мы приедем. – На подъезде к узкой, усаженной соснами дорожной аллее Габриель нахмурился. – Ее зовут Джэнет Муллан. Впервые мы встретились у дяди на похоронах. Она показалась мне довольно милой. Говорливая, неунывающая старушка. Одному богу известно, как она могла так долго работать у моего молчуна-дяди. Собеседник из него был никакой, это правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.